

УДК 316.3 (470+571)

И. Н. Лопушанский

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Более полутора десятилетий отделяют нас, бывших соотечественников и граждан Советской страны, от начала реальной демократизации, послужившей толчком для возрождения интереса к гражданскому обществу в его либеральном видении сначала на Западе [1], затем у нас, в тогда еще общей стране [2]. Вслед за этим последовал «обвал» интерпретаций идеи в российской научной литературе и, наконец, всесторонний анализ деталей, частных, воплотившийся в проведении ежегодных петербургских форумов (на очереди – четвертый!), в появлении первых почти энциклопедических работ (антологий?) [3].

Для такого повышенного интереса к теме гражданского общества должны были быть основания в реальной жизни [4]. Такими основаниями стали противоречия объективного свойства, возникшие, на наш взгляд, в связи с социальными переменами «брежневского периода», когда городское население превзошло по численности сельское и квалифицированный труд неизбежно начал вытеснять неквалифицированный, что, в свою очередь, делало идею уравнительного распределения (ядро коммунистической идеологии) менее привлекательной. Причем значение квалифицированного труда в сочетании с закономерностями соответствия платежеспособного спроса предложению со стороны производителя, как катализатора реформистских настроений в развитых странах Европы, еще в конце XIX в. было замечено Ф. Энгельсом, предположившим смещение центров революционного процесса на Восток, и Э. Бернштейном и его последователями, просто признавшими при таких условиях поражение революционной перспективы.

Теоретическое обоснование кризиса коммунистической идеологии в русле нашей темы можно связать и с попытками А. Грамши модернизировать постулаты марксизма [5] еще в 1930-е гг., и с характерными для конца «перестройки» в СССР представлениями о противоречиях между растущей в условиях НТР интеллектуальной элитой и стареющей консервативной партийной верхушкой, и с неспособностью партийно-государственной бюрократии справиться традиционными методами с усложнением управленческих проблем [6, с.110-111, 114-115] и др. На наш взгляд, эти доводы вполне убедительны, и все же у идеи уравнительности еще есть резервы: во-первых, это – потенциальные кризисы в политической, экономической, социальной сферах, ставящие всех работников вне зависимости от квалификации в одинаково трудное положение; во-вторых, это – действие закона возвышения потребностей, оставляющее часть людей неудовлетворенными своим положением относи-

тельно более обеспеченной части населения; в-третьих, это – неравномерность распределения природных ресурсов и перспектива их истощения.

Либеральная концепция гражданского общества существенно расширила содержание понятия «гражданское общество», использовавшееся в отечественной теории государства и права для описания негосударственных институтов, входивших в политическую систему общества. Однако усложнение теоретических конструкций гражданского общества (пример – книга Дж. Л. Коэн и Э. Арато [7], ставшая для специалистов настольным пособием) не должно быть беспредельным: во-первых, граждане, а не ученые призваны создавать ячейки гражданского общества, а они вряд ли когда-нибудь сочтут возможным, да и нужным погружаться в море дефиниций; во-вторых, сами теоретические конструкции довольно вычурны и в этом ущербны, они шатаются при несовпадении предложенных условий с реальными; наконец, то, что приемлемо для политической борьбы, всегда сложной и непредсказуемой, вряд ли может подходить для условий частной жизни, свободного «входа-выхода», характерных для гражданского общества, оговоримся, в нашем понимании.

В реальной жизни «перестроечные» шаги демократизации стали шагами в направлении гражданского общества (причем, вне зависимости от признания учеными, – существовало три взгляда на реальность: 1) гражданского общества в России нет; 2) гражданское общество в России существовало всегда и существует теперь; 3) в России сложилось «квазигражданское» общество [8]). На первых порах это была дозированная гласность, публикации эмигрантов в «толстых» журналах и поток новых оценок истории в популярной прессе – от полного контроля со стороны партий-государства приходилось отказываться под давлением общественного мнения, этого главного политического оружия гражданского общества.

Затем это выборы, процедура которых обсуждалась как на высоких партийных форумах (XIX партийная конференция летом 1988 г.), так и в дискуссионных клубах периода перестройки – первых ячейках обновлявшегося гражданского общества. Появляются объединения избирателей и объединенные фронты трудящихся в крупных промышленных и научных центрах, национальные фронты в республиках.

Третьим направлением демократизации стала выборность управленческого персонала на производстве – неудачная, поскольку не учитывалась ментальность работников в условиях общественной собственности на средства производства: рационализм и эффективность управления ценились рабочими меньше, чем покладистость руководителей (это означало, прежде всего, отсутствие ясных стимулов – при их наличии, скажем, в ходе так называемого «щекинского эксперимента» в Московской области, кстати, расхваливавшегося на нескольких партийных съездах, но так и не распространенного по стране. Рабочие охотно почти вдвое сократили трудовой коллектив при сохранении фонда заработной платы).

Результаты демократизации в стране, охваченной глубоким экономическим кризисом, привели к непредсказуемым последствиям: распаду СССР по линиям национальных границ союзных республик, крушению социализма в странах Центральной и Восточной Европы и режимов «социалистической ориентации» в странах «третьего мира», к изменениям в глобальной расстановке сил. Результаты, на наш взгляд,

негативные, но процесс разрушения глубоко структурированной власти показал потенциал именно гражданского общества (о котором тогда почти никто не говорил!). Поэтому определение гражданского общества как совокупности социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать, данное Г. Г. Дилигенским [9], выглядит в данном контексте наиболее подходящим.

Взгляд на реальность и перспективы гражданского общества в России сочетает рассмотрение двух параллельных процессов: один из них – это процесс формирования автономных общественных объединений – поле деятельности ученых и активистов. До определенного времени у них отсутствуют отношения с государством.

Другой – осуществляется политиками и заключается в налаживании взаимодействий государства с гражданским обществом. Специфической в отношении гражданского общества задачей власти является объединение индивидов, отличающихся большей активностью от населения в целом. Цель – контроль и управление (в основном косвенные).

Государство может не ограничиваться показательными шагами навстречу гражданскому обществу и реагировать на инициативы «снизу» по созданию правовой базы, защищающей частную жизнь граждан.

Прогноз возможной модели российского гражданского общества должен учитывать альтернативы. Процедура конструирования такой модели заключается также в проверке соответствия ожидаемого состояния секторов отечественного социума условному «идеалу» гражданского общества, сложившемуся к настоящему времени.

Сопоставляя идеал с реалиями и тенденциями российской жизни, можно предположить возможные направления в развитии представлений об отечественном гражданском обществе в разных отраслях социального знания и действия.

В теоретическом, философском поле, вероятно, будет продолжена борьба между сторонниками компромисса идеала гражданского общества с отечественными реалиями и теми, кто настаивает на реализации идеала. В условиях постоянных несоответствий идеала традициям, опыту и идеям, характерным для России, отечественное гражданское общество будет отличаться от западного образца. Плюрализм взглядов неизбежно будет приводить к расхождениям, а социальная конъюнктура – к сближению позиций идеалистов и реалистов. Вероятно, это выльется в череду компромиссов и определит эволюционный характер движения к идеалу гражданского общества.

В экономической сфере безусловное для формирования и развития гражданского общества наличие рынка будет сочетаться со специфическими российскими чертами: сохранением значительного участия государства в деятельности ВПК, «естественных» монополий, в социальном и аграрном секторах. Таким образом, и в этой сфере, представляющей важнейшее основание для гражданского общества, в России оно вряд ли может быть «вестернизировано».

Культурные основания российского гражданского общества также создают сложности для прогноза. Цивилизационная неоднородность социума возникла и продолжает существовать в силу различия: а) этнических составляющих; б) конфессиональной принадлежности; в) «крестьянского» общественного сознания, прояв-

ляющегося в наше время в виде уравнилельных ожиданий, нежелания «выделяться» своим потенциалом, доверия «вождям», а не делам. Видимо, российское гражданское общество продолжительное время будет развиваться по секторам, соответствующим этой цивилизационной неоднородности, пока не сыграют свою роль экономика, политика и время.

Правовые основания гражданского общества имеют несколько уровней, к каждому из которых прямое отношение имеет государство, чьи функции правотворчества, правоприменения и защиты прав граждан означают: 1) определение границ «сосуществования» частного и публичного секторов общества; 2) соблюдение гарантий участия граждан в общественной деятельности (политической, экономической, культурной, религиозной и т.п.) как реализации комплекса конституционных прав и свобод; 3) установление правил взаимодействия ассоциаций граждан между собой; 4) выявление и пресечение нарушений прав граждан и их объединений со стороны государственного аппарата; 5) предотвращение незаконных действий организаций гражданского общества (экстремистских политических, экологических, религиозных, спортивных и других); 6) борьба с криминальными и криминогенными группами, возникшими на основе ассоциаций гражданского общества. Необходимо установление целого ряда «балансов» во взаимоотношениях государства и гражданского общества, что оспаривается некоторыми отечественными и зарубежными государствоведами.

Реализация государством первой же функции наталкивается на противостояние частного общему и, соответственно, частного права праву публичному. Поскольку гражданское общество отражает вхождение общества в рыночный вариант экономической сферы (с этим в происхождении гражданского, кажется, соглашаются все), то возникает необходимость поддержания «баланса»: между рациональной организацией (государством) и спонтанной частной деятельностью. С одной стороны, экономическая сфера общества шире, чем экономические ассоциации, так же как политическая сфера – чем гражданские союзы и движения, или социальная сфера – чем интересы какой-либо профессиональной организации. С другой стороны, и мы, и целый ряд стран пережили период подавления частной жизни во имя общественных (государственных) приоритетов и вынуждены были отказаться от такого дисбаланса в отношениях частного и общего. Вероятно, возможность более точного (не только декларируемого) юридического закрепления такого равновесия осуществима, хотя можно представить себе трудности прохождения таких законодательных поправок через Государственную Думу.

В достижении баланса есть и еще одна трудность, связанная с ценностными ориентирами россиян. В гражданском обществе реализуется прежде всего индивидуальность с присущей ей моралью, государство же отражает состояние морали общества, декларируя при всех (!) режимах общность интересов, выражаемых именно данным государством (данном политиком, данной партией). И индивидуальные ценности должны не столько противостоять той «общности» (которая далеко не всегда общность) интересов, которую выражает данное государство и его правовая система, а и подниматься до уровня морали общества в целом и содействовать ее отражению в действиях государства. Хотим мы этого или не хотим, мы рождаемся

гражданами какого-либо государства и обязаны соразмерять свои индивидуальные интересы с нормами жизни общества. Преодоление противоречия «частное – общее» (в правовом аспекте «частное – публичное») с целью достижения общности общества затруднено полиэтничностью россиян и наличием конфессиональных различий. Сегодня трудно сказать, когда это произойдет и какие формы обретут государство и его законы.

Сегодняшнее молодое поколение, не сталкивавшееся со специфическими условиями советского периода, проходит социализацию во многом с новым содержанием. Подданничество в отношении к государству и формализованные и навязанные уступки индивида в отношении к общности (коллективу, обществу в целом, от лица которого выступало государство) сменяются расширением возможностей участия в новых ассоциациях гражданского общества (уступки общности – ассоциации тоже нужны, но в режиме свободного выбора и права «входа-выхода») и российском варианте представительной демократии. Смена правил игры в обществе, на наш взгляд, требует внесения корректив в процесс социализации: представления об уникальности личности, составляющие один из важных элементов концепции гражданского общества, вызывают зачастую разную трактовку норм. Индивидуализм способен вести к эгоцентризму, а отсюда недалеко и до девиантности.

Возникает необходимость поддержания второго «баланса»: между усилением роли правового государства в обществе и потребностью ограничения правоприменения в гражданском обществе, где на первое место должен выдвигаться самоконтроль граждан.

В деле правовой социализации граждан общество решает формальную задачу: дать им правовые знания, и одновременно – «скрытую задачу»: привить им соответствующее поведение, готовность к солидарности. Только в обществе формальная задача состоит в создании норм и системы контроля их применения и соблюдения, чем занимаются государство и его институты, а «скрытая задача», возлагаемая на гражданское общество, – в перевоплощении «неудобства» перед своей ассоциацией за несоблюдение ее внутренних правил, являющихся продолжением законов общества в целом или, по крайней мере, не преступающих закон, во внутренний императив самоконтроля.

В правовой социализации нового поколения россиян существенно возросла роль телевидения в формировании представлений о современном состоянии общества, образе жизни, и роль эта чаще негативна. Можно сказать, что СМИ, сценаристы, беллетристы, производящие тоннами криминальное «чтиво», всего лишь отражают проблемы общества. Однако распространяющийся правовой нигилизм вовсе не соответствует «сверхзадаче» этих деятелей культуры и СМИ, входящих в гражданское общество, даже если содержание их продукции и является «зеркалом» взглядов части молодежи. Здесь речь идет о нравственном императиве, необходимом в гражданском обществе.

Далеко не всем организациям гражданского общества «повезло» с вниманием государства так, как его крупнейшим институтам – политическим партиям, экономическим ассоциациям, профсоюзам, церкви и др., чье создание и деятельность регламентированы правовыми документами. Это вовсе не значит, что более мелкие орга-

низации не заслуживают внимания законодателя, скорее на первый план выдвигаются организации гражданского общества, связанные с конъюнктурными обстоятельствами, например, выборами президента, губернаторов, депутатов Государственной Думы, сенаторов. Не случайно политические партии, являющиеся «мостиком» между гражданским обществом и государством, и СМИ, отражающие мнение партий и государства (особенно электронные средства), пользуются особым вниманием.

Закон о партиях, с одной стороны, установил единые «правила игры» для всех: отказ от насилия в борьбе за власть, исключение экстремистских целей, «белый пиар» (т.е. прояснение своих политических задач и путей их решения) вместо «пиара черного» (выведения конкурентов из борьбы аморальными средствами с применением лжи и компрометирующих сведений об их частной жизни), финансовая прозрачность, отсутствие связей с криминальными структурами – и эти требования в целом можно признать разумными.

Но, с другой стороны, закон регламентировал процедуру создания партий, и здесь от лица еще не институционализировавшихся политических объединений гражданского общества могут быть возражения: для создания новых партий учредители должны преодолеть гораздо больше препятствий, чем довелось уже существующим партиям – по части численности членов и поддержавших партию, наличия региональных отделений во многих субъектах федерации и т.п. Вероятно, правовые барьеры имеют смысл не при создании партий (уровень «младенческой смертности» будет слишком высок, в особенности для ослабленных групп населения, а у олигархов средства для выполнения условий закона найдутся), а при переходе партией границы от радикализма к экстремизму, при регистрации перед выборами, при анализе финансовой базы. С позиций развивающегося гражданского общества трактовка партийного строительства в стране выглядит неоправданно жесткой.

Конституционный суд Российской Федерации отменил ограничения для СМИ в предвыборный период, заложенные в Законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на референдум граждан Российской Федерации». И пусть эти ограничения выглядели издержкой нормотворчества, а вопрос о создании партий более фундаментален и затрагивает интересы основных уже существующих партий, правовые подвижки в перспективе не исключаются.

Вопрос о политических природе и составляющей современного гражданского общества России возникает и в связи с конституционной дилеммой: парламент или президент. На первый взгляд, принципиальный подход требует свободной деятельности партий в рамках представительной демократии и парламентской республики как формы государственной власти. Президентская же власть выглядит со стороны значительной части российских демократов и либералов как дань сохранению разделения ветвей власти, необходимого в правовом государстве.

Вероятно, плебисцитарная демократия могла бы быть моделью режима, наиболее благоприятной для реализации потенциала гражданского общества, но низкий уровень политической культуры и ожидания уравнительности (например, путем пересмотра приватизации, полного изъятия природной ренты в доходы общества, ареста неплательщиков налогов и т.п.) значительной части населения не допускают пока

конкретных рассуждений на этот счет (не считая обычных аргументов в пользу квалифицированного политического управления избранных против принятия решений неискушенными гражданами).

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что правовое поле (законы) создается политиками или в связи с мнением правителей (монарха, вождя, консолидированным мнением партии) или под воздействием общественного мнения, а оно формируется в рамках гражданского общества (правда, роль СМИ – «четвертой власти» в формировании общественного мнения столь высока, что государство поспешило полностью взять на себя контроль над электронными средствами коммуникации).

Список литературы

1. За рубежом публикации, посвященные теме гражданского общества, появились почти сразу после объявленной в ходе горбачевской «перестройки» демократизации (Пленум ЦК КПСС, январь 1987 г.), например: Krizan M. "Civil Society" and the Modernisation of Soviet type Societies // Praxis International. – Oxford, 1987. Vol. 7. № 1; Keane J. Democracy and Civil Society. L., 1988; Arato A. Civil Society, History and Socialism // Praxis International. – Oxford, 1989. Vol. 9. № 1-2 и др.
2. Уже в 1990 г. появились статьи А.В. Одинцовой, Н.В. Ступишина, а в 1992 г. состоялась защита первой докторской (не юридической) диссертации по гражданскому обществу В.Н. Дахиным.
3. Краткая антология - В.В. Витюка: Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995; и более полная – Ю.М. Резника: Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 1. Идея гражданского общества в социальной мысли. – М., 1993; Ч. 2. Теоретико-методологические аспекты исследования. – М., 1998.
4. Свои представления об истории гражданского общества – как идеи, так и реальности, в том числе и российской, автор и ряд участников конференции отразили в коллективной монографии «Гражданское общество: истоки и современность» / Под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. 2 изд. – СПб., 2002., в материалах петербургских научных форумов и научно-практической конференции, проведенной в Санкт-Петербургском юридическом институте Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Гражданское общество в его практическом измерении» и др.
5. Например, Bobbio N. Gramsci and the Concept of Civil Society // Civil Society and State. – L.-NY., 1988; Витюк В.В. Указ. соч., с. 59-65.
6. См. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. – 2000. – № 3.
7. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003.
8. Например, первая точка зрения принадлежала Ю.М. Резнику в указанной работе; вторая – Л.М. Романенко. Гражданское общество в России уже есть, но ...// Социологические исследования. – 1994. – № 4. – С. 12-16; третья – З.Т. Голенковой. Альтернативы и перспективы развития гражданского общества в России. – В кн.: Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М., 1999. – С. 7-28.
9. Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Т.2, № 4 (осень 1997 г.). Гражданское общество. – С. 5-21.

Поступило в редакцию 19 июня 2004 г.